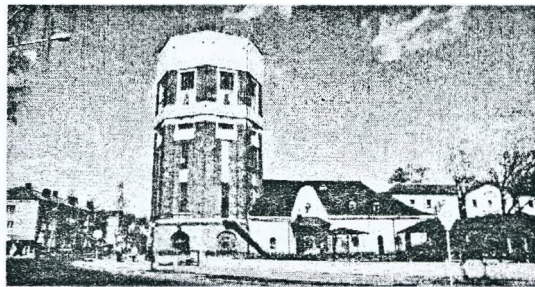

и, что очень важно, пока еще практически не тронуты временем, не разрушены. Именно двойные задачи при строительстве – обеспечение самостоятельности и одновременно последующее вхождение в город на правах его части, района – позволяли рабочим поселкам существовать как бы автономно и тем самым оставаться без изменений.

За прошедшие годы связь рабочих поселков с заводами, которым они обязаны своим появлением, практически перестала существовать. Хотя потомки заводских рабочих и сегодня продолжают жить в отдельных квартирах, но большей частью они не являются работниками заводов. Да и пространственно заводы давно уже отгородились от своих жилых районов, предзаводские площади потеряли функциональное назначение, превратившись в обычные городские площади, подлежащие реконструкции в связи с изменившимися социальными, функциональными и транспортными задачами.

Строительные работы начинают приближаться и к самим рабочим поселкам. Притягательными для инвесторов они становятся из-за близкого расположения к центральным районам городов, масштабной застройки, высокой степени озеленения и нетрадиционных для сегодняшнего дня планировок квартир. Если не принять мер по оценке и охране отдельных рабочих поселков с позиций культурного наследия, то коренная реконструкция может стать последним действием в истории их существования. Тем более что рабочие поселки утратили своих главных владельцев, хозяев и одновременно защитников – промышленные предприятия.

Итак, рассмотренные примеры демонстрируют возможность промышленных объектов разного пространственного уровня представлять историко-культурное наследие республики в его материальных формах. Работу по идентификации таких построек нужно начинать. Это необходимо нам, нашим потомкам, и, наконец, это необходимо промышленной архитектуре и ее истории.

Водонапорная башня в Бобруйске

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lisowski, B. The map of industrial architecture – a systematic approach / B. Lisowski // Aspects on industrial architecture and engineering / International Council for Building Research, Studies and Documentation; International Union of Architects. – Helsinki: The Building Book Ltd., 1989. – P. 29–49.
2. Industrial archeology / <http://www.iarecordings.org/index.html>
3. Морозова, Е. Б. «Рабочий поселок» в городе как памятник промышленного строительства / Е.Б. Морозова, Л.В. Купрейчик // Індустріальна спадщина в культурі і ландшафт: матеріали Всеукраїнської наукової конференції, Київ, 23–26 травня 2007 р. // Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв / Відповідальний ред. Ю.Г. Тютюнік – Київ, 2007. – Випуск 4. – С.122–128.

УДК 72.036(476)(091)

Морозов Е.В.

НЕОКЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ 1920-30-х гг.

Архитектурное наследие сегодня рассматривается как национальное культурное достояние, сохранение которого является одной из важных задач государственной политики нашей страны в области культуры. Однако архитектурное наследие 1920–1930-х гг. до сих пор не в полной мере воспринимается общественностью как историческая и культурная ценность. Постройки двадцатилетия между первой и второй мировыми войнами сегодня далеко не все тщательно изучены и, соответственно, взяты под охрану.

А между тем, архитектура такого, казалось бы, малого временного отрезка представляет необычайно большой искусствоведческий интерес. Вряд ли можно найти в истории еще один столь непродолжительный период, в рамках которого развернулось такое стилевое разнообразие: «современная архитектура» (Modern Architecture), Арт Деко, конструктивизм или, как его все чаще называют, «русский авангард», неоклассицизм и пр. Примечательно, что в середине 1920-х гг. предпринимались попытки определить и национальные архитектурные черты. Все существовавшие тогда стили и направления в архитектуре составили интересную стилевую мозаику, которая из-за вхождения белорусских земель в состав разных государств формировалась в условиях противоположных экономических и, можно даже сказать, враждебных политических систем (формаций). Это непростое время в истории Беларуси наглядно отразила архитектура, причем не столько архитектура крупных знаковых зданий, сколько рядовая, массовая застройка. Одним из составляющих стилевой мозаики являлось классическое направление, на нем хотелось бы остановиться подробнее.

В начале XX в. мощным движением в российской архитектуре стало возрождение традиций классицизма, определяемое сегодня как стиль неоклассицизм [1, с. 69-97]. Неоклассицизм нашел большое число сторонников в среде Петербургской академии искусств, где в течение долгих лет сохранялась приверженность традициям античной Греции и Рима. В основе этого стиля лежало не только копирование характерных классических форм, но также и сам метод проектирования, основанный на изучении классической архитектуры и точном следовании внутренней логике ее пространственной организации.

К образцам неоклассицизма в белорусской архитектуре 1920-х гг. можно отнести здание банка в Бресте (ул. Ленина, 9) (рисунок 1). Архитектор этого объекта С. Филасевич получил образование в Петербургской академии художеств, где воспринял традицию академического классицизма. В достаточно скромном по столичным меркам здании банка автору удалось создать исключительно целостную торжественную классицистическую композицию. Два корпуса, двух- и трехэтажный, расположены под прямым углом и объединены круглым объемом с куполом. Центральный объем окружен ионическими трехчетвертными колоннами, идущими на высоту двух этажей, боковые корпуса декорированы ионическими пилястрами. Здание завершает массивный парапет, украшенный балюстрадой. Однако при достаточно ярко выраженной классической направленности пространственного построения банка и его фасадного декора в интерьерах нет стилистического единства. Классицистические детали здесь переплетаются с растительными мотивами модерна, с геометрическим орнаментом и псевдокоринфскими капителями, близкими по своему рисунку к стилю Арт Деко.

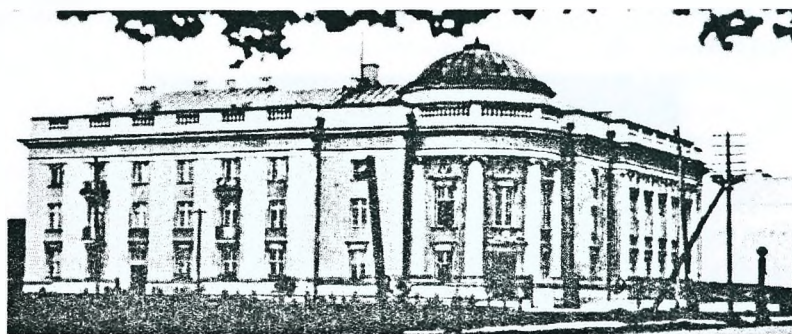

Рисунок 1 – Банк в Бресте (1925 – 1926 гг.)

Здание банка в Барановичах возведено в 1928 г. также по проекту С. Филасевича (ул. Советская, 27) (рис. 2). И хотя наличие достаточно высокой скатной черепичной крыши, незакрытой парапетами, свидетельствует о некотором отходе от традиций неоклассицизма, тем не менее в декоре здания применены пилястры ионического ордера, которые украшают центральную часть с высоким вторым этажом, окна обрамлены традиционным для классицизма профилем.

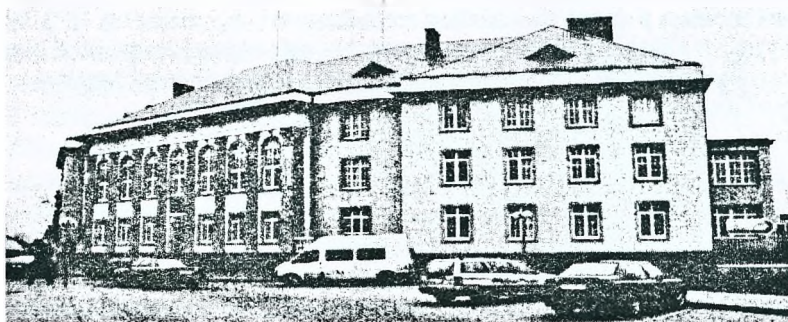

Рисунок 2 – Банк в Барановичах (1928 г.)

С. Филасевич в 1920-е гг. был главой архитектурного отдела при Польском Банке. Отдел занимался разработкой проектов и строительством представительств этого банка по всей стране. Поэтому академический классицизм и характерная творческая манера мастера в определенной степени распространились на проекты других архитекторов, работавших в отделе. Кроме того, официальный классический стиль как нельзя больше подходил для архитектуры банков, так как в глазах клиентов воспринимался воплощением надежности и стабильности.

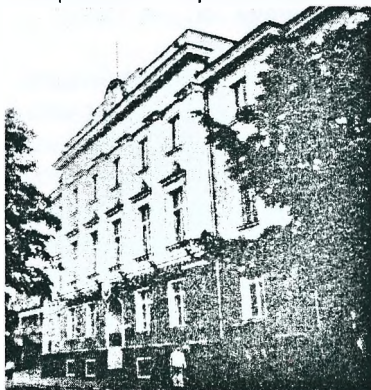

Рисунок 3 – Банк в Пинске (1925 г.)

Еще одним примером может служить здание банка в Пинске (ул. Заслонова 17), построенное в 1925 г. архитектором С. Шесняком (рисунок 3). Первый этаж трехэтажной постройки был обработан рустом, два верхних этажа центральной части декорированы пилястрами с дорическими капителями и завершены массивным парапетом. Изящество фасаду придавали тщательно проработанные оконные обрамления с крупными овальными медальонами. Боковые части здания ступенчато отступали назад относительно богато декорированного центра, что сообщало постройке динамизм и выразительность.

К неоклассицизму следует отнести и административное здание, построенное на главной площади Браслава в 1928–1929 гг. виленинским инженером Гироном [2, с. 138]. Центральный корпус в нём, как и в здании банка в Барановичах, соединялся переходами с боковыми корпусами, поставленными под некоторым углом к центральной части. Все три корпуса были накрыты отдельными четырехскатными крышами, опирающимися на массивный карниз. Вход в центре главного корпуса оформлен портиком с четырьмя колоннами ионического ордера и завершен невысоким ступенчатым фронтоном.

В виде такого же портика решен вход в бывшее казино, построенное в 1924–1925 гг. в Бресте (ул. Леваневского) по проекту архитектора Ю. Лисецкого (рисунок 4). Фронтон здания завершен декоративной вазой и украшен лепным медальоном с надписью года строительства римскими цифрами и двумя орлами.

Виде четырехколонного классического портика оформлен вход в здание школы № 1 в Глубоком (1931–1932 гг.) (рисунок 5). Но здесь этот классический элемент служил, скорее, только знаком, отмечающим вход в гимназию и подчеркивающим определенную смысловую связь с традициями классического образования. Так же как некий знак следует рассматривать и портик, приставленный к жилому дому в Гродно (ул. Реймонта, 18). Из-за небольшого масштаба здания колонны в центре портика пришлось раздвинуть, чтобы обеспечить проход. В своих пропорциях портик довольно точно следует классицистическим образцам.

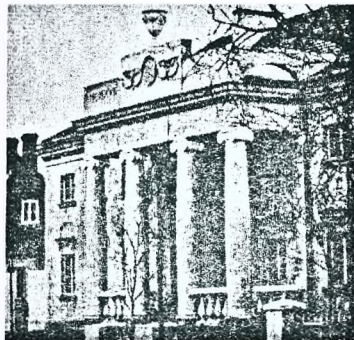

Рисунок 4 – Бывшее казино в Бресте (1924 – 1925 гг.)

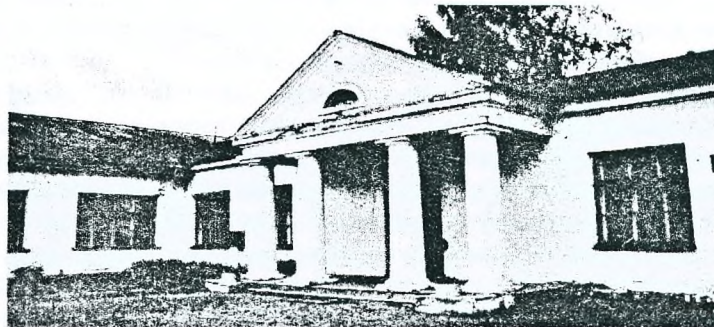

Рисунок 5 – Школа № 1 в Глубоком (1931 – 1932 гг.)

Однако не во всех постройках 1920-х гг. формы неоклассицизма следует трактовать лишь как определенный знак. В административном здании в Пинске (ул. Ленина, 25) не использованы ни колонны, ни пилястры (рисунок 6). Из всех декоративных элементов неоклассицизма оставлены только треугольный фронтон, фриз, отмечающий цокольную часть, и карниз под свесом кровли. Структура здания, лаконичный внешний вид и гармоничные пропорции позволяют отнести постройку к течению «модернизированного классицизма», имеющего свои безусловные аналоги не только в польской, но и в европейской архитектуре. В рамках этого течения классицистические принципы построения композиции здан сочетались с отказом от нефункциональных декоративных элементов.

Особые исторические условия – вхождения белорусских земель в состав двух государств с противоположными политическими системами – не могли не отразиться на развитии архитектурной стилистики. Рассматривая распространение неоклассицизма на белорусских территориях в 1920-х гг., можно заключить, что его наиболее характерные проявления нашли место в западных регионах, где он использовался в проектах представительских государственных зданий. Определенное распространение здесь получила также тенденция к упрощению классических форм, что позволяет выделить в качестве самостоятельного направления «модернизированный классицизм», имеющий свои безусловные аналоги не только в польской, но и в западноевропейской архитектуре.

Рисунок 6 – Административное здание в Пинске (1920 – 1930-е гг.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ревзин, Г.И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX в. / Г.И. Ревзин. – М.: Общ. ист. арх. при СА России, 1992. – 168 с.
2. Шыдлоўскі, І.А. Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны: Гіст. – архіт. нарыс. / І.А. Шыдлоўскі. – Мінск: Палымя, 1996. – 158 с.

УДК 72.031(476.7)

Сергачев С.А.

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА

Исследователями не раз и вполне справедливо обращалось внимание на разнообразие декоративного убранства жилых домов на Западном Полесье /1, с. 43; 2, с. 10–11/. Резьбой украшали наличники окон, причелины, карнизы, обшивку углов и фронтонов, ворота и калитку, позднее крыльца и веранды. При этом реалии природного ок-